

Михаил ВОСТРИКОВ

НА ВОЛОСОК ОТ ГИБЕЛИ

Десять воспоминаний военкора Лукьянова

Воспоминание первое ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

— Не-е пу-ущ-у-у! — закричала жена, перегородив собой узкий коридор квартиры.

— Ну что значит не пущу? — Александр, уже с дорожной сумкой в руках, попробовал мягко сдвинуть любимую с прохода.

Неудачно. Сдвинуть её не удалось.

— А то и значит! Тебя там убьют, Саша! — она повисла у него на шее.

— Ну-у... во-первых, на мне будет бронежилет...

— Но ты же сам мне говорил, что он защищает только грудь, да и то не полностью... А руки, а ноги? Ты не заметишь в траве мину, и тебе ноги оторвет. Мы тогда как жить будем, Саша?! Как мы будем жить?! — ослабила она хватку.

— Это моя работа, — он сухо закончил разговор, понимая, что сейчас, в приступе женской ярости, не способной изменить ситуацию, никакие аргументы ему не помогут, и каждый будет разбит вдребезги, как чайный сервиз о керамическую плитку на кухонном полу.

Стараясь уже не смотреть на рыдающую жену, он выскользнул из её объятий и молча вышел за порог квартиры.

«Н-да, я бы на её месте не смог жить с таким мужем...» — подумал он, и как бы в подтверждение этой его мысли из-за двери, закрытой за ним с грохотом, донеслось:

— Будь она проклята, эта твоя работа! И ты вместе с ней, Саша! Развод получишь по почте! — и уже тише: — Устала... Надоело...

От стыда и горечи под ложечкой неприятно засосало... Однако же редакционный вэн во дворе уже доброжелательно откатил в сторону боковую дверь в салон. Всё! Военный корреспондент федерального телеканала «Россия 24» Александр Геннадьевич Лукьянов уехал на войну.

Воспоминание второе ЗВЕНЯЩАЯ ТИШИНА

Январь 2021 года.

В России бушевал ковид, и поэтому все границы были закрыты. Но Александру, по специальному разрешению вице-премьера РФ по вопросам социальной политики Татьяны Голиковой, удалось выехать в ДНР, чтобы снять фильм о том, как на самом деле выполнялись очередные минские соглашения, соблюдался ли режим тишины и всё такое.

Как всегда, его съёмочную группу (он и оператор) в Донецке радушно встретил собкор канала Андрей Руденко:

— Что хотите снимать? — спросил он за кофе. — Прямо и конкретно!

— Да хоть что-то, что дадут! — дал ему возможность маневра Александр, понимая,

что все зависело от случая.

— Хорошо, завтра в девять.

Но что будет завтра в девять, он так и не сказал, мол, сами увидите, сюрприз!

Когда это завтра наступило и Александр с оператором подошли к назначенному месту в назначенное время, то увидели того, кого хорошо знали, но только по выступлениям в телевизоре — Эдуарда Басурина, на тот момент официального представителя народной милиции ДНР. Он ехал по делам и взял их к себе в машину.

— Здравствуйте! Для чего вы приехали?

— Здравствуйте! Приехали, чтобы рассказать людям правду.

— Ну, раз так, я вам ее покажу.

Тогда-то Александр и получил боевое крещение в настоящие военкоры, впервые в жизни лично побывав в окопах первой линии на линии боевого соприкосновения. Хм-м, каламбур получился — «линии на линии», да пусть.

И ведь как знал... Перед поездкой, заметив, что на шее от времени обветшала, оборвалась и где-то затерялась веревочка с простым алюминиевым крестиком, он купил в ближайшей церковной лавке новый, серебряный. А потому что в окопах атеистов никогда не было. И бог его сохранил, правда, вместе с бойцами народной милиции ДНР. Но бог, говорят, любит соработников.

* * *

Они отправились на передний край, в окопы, от которых враг стоял в двухстах метрах. Это примерно в тридцати пяти километрах от Донецка, если по прямой.

Такие объезды Басурин вынужден был проводить практически ежедневно и с единственной целью — зафиксировать нарушения договоренностей о прекращении огня.

Кровь на заледеневшей земле. На этом месте, в районе поселка Старомихайловка, погиб ополченец народной милиции ДНР. Двадцать третьего января, в одиннадцать сорок, вражеский беспилотник пересек линию разграничения и прицельно сбросил на него гранату. После запрета применения тяжелого вооружения использование дронов стало обычной практикой украинских военных.

После этой провокации представители ДНР обратились в совместный центр по контролю и координации режима прекращения огня и заявили об отзыве гарантии безопасности в районе, где погиб ополченец. На следующий день грохот боя слышали уже жители Горловки.

Рана гражданской войны на Донбасе не затянулась, она продолжала кровоточить, а вооруженный конфликт за последний месяц только обострился.

Вчера Басурин выезжал в Старомихайловку. Там семья была дома, смотрела телевизор — мама, отец и два сына. Мама уходила на работу и сказала старшему:

— Давай-ка собирай монатки и иди делать уроки.

Сын ушел к себе в мансарду, а на его место в зале, туда, где он только что сидел, прилетел острый осколок от снаряда пушки БМП-2. Другие осколки оставили пробойны в кровле и повредили линию электропередачи. Только по счастливой случайности обошлось без жертв. А потому что снаряд попал в доску кровельной обрешётки. И если бы не эта доска, то крышу бы пробило и снаряд взорвался бы в доме...

— Счет таких нарушений в сутки идёт на десятки, — сказал Эдуард Басурин.

Вот только с данными наблюдателей от ОБСЕ эта статистика никогда не сходилась, у них в целом было всё хорошо и тихо. Но как только они уезжали, начиналась стрельба. Так, двадцать девятого декабря в направлении Ленинской с той стороны было выпущено сто тринадцать крупных мин, из которых двенадцать были зажигательными. Целая миномётная батарея старалась, не иначе.

В общем, ни войны, ни мира, а быстрее то, что перед новогодними праздниками перемирие закончилось.

Они проезжали мимо населенных пунктов, известных по боевым сводкам — Ясиноватая, Горловка. Некоторые дома стояли с наглухо заколоченными окнами, другие были разрушены. В пятикилометровой зоне восстанавливать жилье капитально здесь пока не видели смысла, ведь гарантий долгосрочного мира не было.

До линии боевого соприкосновения оставалось несколько сотен метров. Они прошли их пешком. Сопровождающие их военные посоветовали, ради их же безопасности, убрать бронжилеты с надписью «Пресса», иначе они стали бы привлекательной мишенью для украинских снайперов.

По дыму и собакам можно было понять, в каком доме оставались жители. Они потом к ним зайдут, а пока след в след они шли на передовую. С дистанцией! Это для того, чтобы, не дай бог, не возникло желания у тех, кто находился на противоположной стороне, ударить по группе.

* * *

На передовой все было сделано по правилам фортификации в целях безопасности личного состава: окоп, подземный переход и так называемая «лисыя нора» — углубление в земле, где можно укрыться во время минометного обстрела.

И блиндаж — подземная теплушка, где бойцы при сильных морозах могли отогреться, отдохнуть, посидеть, полежать, покушать, попить чайку. Везде горел свет и была вода.

— Вон их позиции! Видите, высота? И трубы... а за трубами уже расположены их позиции. Это у них усиленная зона, летом они в неё отступали. А наше кредо — быть там, где предусмотрено Минскими соглашениями.

Вокруг стояла такая звенящая тишина, что Александр услышал, как на той стороне работала бензопила, буквально в ста пятидесяти метрах от него. Но эта тишина иногда прерывалась взрывами и стрельбой. Вот взрыв, граната взорвалась, но далеко, метров за триста.

Беседовали в полголоса, эта привычка выработалась здесь за годы пребывания на передовой. Нежелательно здесь было разговаривать громко, особенно называть позывные своих бойцов. А то потом, бывало, слышали с той стороны в громкоговоритель: «Сдавайтесь!...»

И кого-то при этом могли назвать по позывному. И в городе через своих шпионов выяснить, кто это, откуда, где проживает. Провоцировали постоянно, каждый вечер стреляли.

— Да, — сказал Эдуард Басурин, — противостояние затянулось, но моральный дух тех, кто защищает границы республики, очень высокий. Они же находятся здесь ради любви к своим родным и близким. В этом и есть их дух. А земля, на которой они стоят, где они родились, подпитывает их энергией, чтобы они смогли свой долг выполнить до конца.

— Да, — подумал Александр, — с этим трудно не согласиться. Он уже где-то читал, что на войне всё у бойцов ради любви — к родителям, к детям, к жене, к девушке. А ведь это и есть любовь к Отечеству, которое они защищают.

И на этой земле было абсолютно четкое понимание, что так продолжаться вечно просто не может. Это неправильно, так не должно быть.

Глава ДНР Денис Пушилин видел изменения в переговорном процессе, но не в лучшую сторону. Из тринадцати пунктов Минских соглашений было выполнено только четыре, да и те не в полном объеме.

А цинизм Киева только усиливался. Он никогда не выполнял взятые на себя обязательства, а сейчас — тем более. С приходом Зеленского добавились элементы шоу, артистизма... и всё. Даже то, что было поддержано Советом безопасности ООН, не имело значения. Все свелось к великой украинской хитрости. Война — путь обмана... Они обманули врага, значит, в своих глазах они молодцы!

— Они ограбили нас, расстреляли нас, превратили Донбасс чёрт знает во что... — грустно и без малейшего пафоса сказал Басурин. — Но мы будем бороться! Молодежь наша будет бороться за это, за всё. Конечно, война будет, ей нельзя не быть, и мы останемся в ней до конца.

Так оно и вышло.

Воспоминание третье ЗАЧЕМ НУЖНЫ СМИ?

Апрель 2022 года. Два месяца СВО.

На центральных улицах Мариуполя ещё продолжались тяжёлые бои. Над городом, вернее, над тем, что от него осталось, длинным шлейфом стлался чёрный дым. Огонь пожирал многоэтажные дома, обнажая их скелеты и поднимаясь по лестничным пролётам до самых верхних этажей. Из разбитых окон вырывались бешеные языки пламени.

И всё время стреляли: «Бум! Бум! Бум!»

Кто? Куда? Непонятно! Но по глухому звуку выстрелов можно было догадаться, что вот это сейчас был «выход» нашей артиллерии, а это р-р-р-р-р-раскатистое — ракеты системы «Град» в нашу сторону.

В соседнем квартале затрещала автоматная очередь. И снова: «Бум! Бум! Бум!»

Это авиабомбы взорвались в районе завода «Азовсталь», где в подземных цехах укрывался полк «Азов» *(запрещён в РФ как террористическая организация)*.

Никакого гуманитарного коридора не было, а вот гражданские люди были и много! Они пытались укрыться от осколков снарядов и шальных пуль в подвалах домов. А где не было подвалов, прятались в узких коридорах подъездов между стенами и шахтами

лифтов. Там не было окон, а значит, было больше шансов остаться в живых.

В посёлках, разбросанных по всему берегу Азовского моря, облюбованного людьми ещё со времён неолита, погребов не делали, подземные речки текли слишком близко к поверхности земли. И обитатели этих домов в течение всего месяца боевых действий просто молились, обложившись иконами.

Самые отчаянные пытались покинуть город. Кто-то ехал в сторону Киева через Мангуш, а кто-то в сторону России через Новоазовск. Но до места добирались не все. Покидавших город «азовцы» расстреливали в спины. Люди на крыши своих машин прикрепляли большие игрушки и плюшевых медведей, чтобы показать — в машине есть дети, но...

На блокпосту на выезде из города собралось несколько сотен человек. Все ждали эвакуационные машины. Машины были, но мало. Челночные рейсы шли каждые полчаса.

Люди, увидев на его бронежилете надпись «ПРЕССА», стали кричать:

— Где автобусы? Нужно больше автобусов!

— «Пресса», где вы были раньше, когда нас убивал «Азов»! — крикнула женщина средних лет в закопчённой на костре красной куртке, с палкой в руках и котомкой скудных пожитков за спиной. Рядом с ней стоял мужчина. По тому, как он резко дёрнул её за рукав, было понятно, что это её муж. — А что? — отмахнулась она от попытки мужа заткнуть ей рот. — Пусть люди знают! Пусть весь мир знает, как нас убивал «Азов»!! Они здесь восемь лет окапывались, заняли все гостиницы на берегу, выселили детскую спортивную школу, устроили там себе казармы. Флаг со свастикой у них висел...

— Как же так? — спросил он женщину. — «Азов» же во всех соцсетях называет себя защитником города.

— Какие защитники?! Это фашисты! — подхватили соседки женщины по очереди.

— Нам сегодня ракета влетела в квартиру. Мы двадцать восемь дней ждали, что всё наладится... но сегодня влетела ракета, вылетели все двери и окна, и нам пришлось бежать!

Александр поднял камеру над толпой, и в кадр попали лица. Их было трудно описать, но невозможно забыть внутреннего ощущения от взглядов людей, в чью жизнь пришла война: ясных и все понимающих, проникающих в суть вещей и одновременно отрешённых, словно они видели, взаимодействовали и жили в другом мире. И нам тот мир было не понять, и это, может быть, даже было и к лучшему.

Когда они вместе с оператором Павлом Шесточенко ехали в Мариуполь, их вёз на своей машине житель Донецка — Сергей Ляшко, и тогда у Александра в голове крутилась только одна мысль — как ему разговаривать с жителями города?

Это ведь Россия начала СВО — специальную военную операцию, и теперь в результате боевых действий их дома разрушены, а кто-то из родственников, возможно, даже погиб. Как они отнесутся к нему, журналисту российского телевидения? А услышал: «Где вы были раньше, «Пресса»? Пусть весь мир знает, как «Азов» нас убивал!»

Вот, оказывается, для чего судьба привела его в это время и в это место. Александр ощутил свою миссию — помочь этим людям не остаться наедине с их трагедией, помочь соединить их с остальным миром. Ведь они оказались отрезаны от него буквально.

* * *

У Александра есть «военный» блокнот, который всегда с ним, когда он приезжает в зону СВО. Блокнот обычный, бумажный, зато надёжный, не то что электронный. В него он по старинке записывает обычной шариковой ручкой пожелания, просьбы, обращения, чтобы потом передать их в профильные министерства и ведомства, а если по силам, то и выполнить самому. И в основном это касается поиска людей — боевых товарищей, пропавших без вести, и родственников...

Доска объявлений на блокпосте в Мариуполе была забита листочками с мольбами о помощи. Люди искали друг друга:

«Света, мы живы. Сейчас у тёти Вали на даче живём. Иди туда».

«Кто со «Строителей, 19»? Что с нашей мамой Алевтиной Фёдоровной Щаповой?»

Ну а как по-другому? Сотовой связи не стало в первый же день боевых действий в городе. Как не стало электричества, газа и воды. В первое время люди сливали её из батарей системы отопления, растапливали выпавший снег (его воспринимали как манну небесную!), самые смелые ходили за водой на источники. Но оттуда возвращались не все. Часто очереди из жителей, которые скапливались у ключиков и ручейков, нацисты накрывали минами. Зачем? Да просто для того, чтобы люди не передвигались по городу... или по какой другой их нацистской причине, не поймешь.

— Вы журналист? — спросила его встревоженная женщина.

- Да.
- У меня дочка живёт в Питере, вы можете передать ей, что я жива?
- А телефон её помните?
- Нет.
- Тогда давайте так... Я сейчас включу камеру, и вы ей сами всё передадите.

Поставлю это в репортаж, она и увидит.

И обрадованная женщина, не отрывая взгляда от объектива, начала быстро наговаривать видеописьмо:

— Любимая моя доченька Ангелина... Мне полностью надо имя и фамилию говорить или как?.. Любимая доченька, это твоя мама, я жива! Передай всем нашим, что я в порядке. Нахожусь на территории ДНР. Я тебя люблю. Скоро увидимся!

Неизвестность была страшнее смерти! Людей не так пугали взрывы, как то, что они не знали судьбы своих близких, любимых и дорогих. Это разрушало, убивало их изнутри.

Через два дня после того, как он показал эти кадры в репортаже на канале «Россия 24», Ангелина нашла его через соцсети и тепло поблагодарила.

Вот, оказывается, для чего нужны СМИ — средства массовой информации. Чтобы соединять людей! Чтобы помочь им узнать, что с их близкими всё хорошо. Да ради одного этого понимания стоило проработать двадцать семь лет на телевидении. Кто-то скажет — пафос? Может, и так. Но в его деле это называется профессионализм плюс совесть. И одно без другого не живёт.

Воспоминание четвёртое **СЕКРЕТНАЯ КАРТА НА ДАЧЕ ЯНУКОВИЧА**

После общения с жителями Мариуполя съёмочной группе Александра удалось вместе с сотрудниками военной прокуратуры ДНР попасть на бывшую базу нацистского полка «Азов», расположенную в поселке Урзуф на берегу Азовского моря. Когда-то там был санаторий с отдельным коттеджем — дачей бывшего президента Украины Виктора Януковича.

Очень неплохая номенклатурная дача превращена в военную казарму со всеми её принадлежностями. Вся великолепная парковая территория в сосновом бору теперь была приспособлена под тренировочную площадку — стрелковые мишени, полоса препятствий, манекены для тренировки ножевых ударов, боксёрские груши и всё такое. На береговой линии, откуда открывался прекрасный вид на море и пляж, были вырыты окопы полного профиля и устроены огневые точки, видимо, для отражения нападения с моря.

На крыльце дома лежала решетка для соскребания грязи с подошв берцев, выкрашенная в цвета российского флага. Везде следы панического бегства. Очевидно, постояльцы ретировались отсюда очень быстро, поэтому ничего и не успели взять с собою или испортить, даже помыть посуду — на столах в солдатской столовой стояли тарелки с едой.

Гараж на четыре машины доверху забит ящиками со стрелковым, минным и артиллерийским боекомплектom различного калибра, одноразовыми танковыми гранатомётами и боеком очень серьёзным оружием.

— Ого-о! — присвистнул от удивления сопровождающий их офицер военной прокуратуры. — Да они в сто раз лучше наших были упакованы!

Кругом висели свастики, портреты «героев», на люстре повешенный за шею игрушечный кот. Во всех углах просто какое-то море нацистской литературы и плакатов — в стопках, в ящиках.

«Какая качественная полиграфия! Где же они это всё печатали и рисовали?! — сам себе задал риторический вопрос Александр. — Они вешали эти плакаты даже в изголовьях своих «кроватей», молились на них, это были их иконы!»

Мастерская снайпера, увешанная американскими плакатами по военному делу. Хорошо оснащённый медпункт. Учебный класс с партами. Спальные помещения с двухярусными нарами, оружейки. Атмосфера в доме какая-то гнетущая. Больше двадцати минут Александр там находится не смог, вышел на улицу, подышать.

Они ехали сюда, чтобы попробовать доказать фашистскую сущность «Азова», а доказывать-то ничего и не пришлось, просто снимать. То, что скрывалось на публике, здесь, в своем кругу, наоборот, активно демонстрировалось — старые фотопортреты Адольфа Гитлера и солдат Третьего рейха, во всех позах и ракурсах смонтированные с бойцами их нацбата — в строю, в бою, в пивной, с женщинами. Страшные, злобные сюжеты и лозунги-призывы казнить русских без разбора на хороших и плохих — «невиновных русских нет!» Ну какие ещё миру нужны доказательства?!

Там, в библиотеке, забитой толстыми фолиантами нацистского толка, Александр и нашел секретную тактическую карту конца февраля 2022 года. На ней подробные разведанные — позиции российской обороны. И красными стрелками — направление планируемого наступления. Они собирались наступать на Новоазовск, и им было чем наступать — люди, «Грады», артиллерия... Однако начавшаяся СВО сломала их планы, сработала на опережение.

Воспоминание пятое

ПОГРЕБЕНИЕ НЕВИННО УБИЕННЫХ

А вот этот репортаж — как сотрудники МЧС искали, откапывали и снова закапывали в Мариуполе тела погибших — Александру давать в федеральный эфир не позволили, вернее, показали пару кадров, да и то издалека, слишком это всё страшно и печально.

Сначала перезахоранивали на кладбище из могил с улиц.

Когда начался штурм города и появились первые жертвы, хоронить их из-за постоянных обстрелов было опасно, и тела, накрытые простынями, довольно долго лежали прямо во дворах.

Когда бои переместились к центру города, на улицах стали появляться первые могилы. Одним из таких временных кладбищ стал газон на бульваре Шевченко. Жуткое зрелище — кресты с венками на разделительном газоне посреди городского пейзажа с мчащимися по обе стороны бульвара машинами. На крестах таблички с именами и фамилиями. Но есть и безымянные. Или просто с именем. На некоторых указаны адреса и даты, в основном мартовские, когда бои за город были самыми тяжёлыми.

Людей тогда хоронили и во дворах, прямо возле подъездов. Понимали, что после будут перезахоранивать, поэтому хоронили не с крестами, а с табличками — адрес, телефон, а иногда и с пронзительной надписью:

«Пожалуйста, не выкапывайте без нас! Жена»

Когда закончили с проспектами и дворами, пошли в узкие улочки частного сектора, в дома и домики, разрушенные ракетами и снарядами.

Сначала четырьмя группами по два человека их обходили, записывали и наносили на карту все места, где под завалами могли находиться тела жителей. По заявкам, по опросам. Потом начали разбирать, копать и перекидывать. Огромные горы битого кирпича. Практически всё вручную. Пока не находили. Там двое, там один... Кому-то повезло, их сразу после обрушения выкопали соседи, прибежавшие на крики о помощи, и они остались живы, а кому-то и нет.

Всех найденных пытались тут же идентифицировать, искали документы, родственников, звали на опознание соседей. Но иногда этого сделать не получалось, особенно с найденными фрагментами тел. Тогда всё увозили в морг как есть, потом дознаватели, следователи и эксперты разберутся. Да, по каждому случаю смерти человека проводилось дознание, после чего тела или выдавали для захоронения родственникам, или хоронили за государственный счёт.

Сильно приросло в последнее время Старокрымское кладбище Мариуполя безымянными номерными могилами. По ним до сих пор ходят приехавшие родственники и пытаются отыскать своих, в журналах у кладбищенского начальства кое-какая информация есть.

Упокой, Господи, души безвинно убиенных мариупольцев!

Воспоминание шестое

КАК СТАТЬ ВОЕНКОРОМ?

Стать журналистом Александр и не мечтал, даже представить себе не мог, что такое может реально произойти.

Его родители работали на стройке: отец Геннадий Григорьевич — электросварщиком высшего шестого разряда, мама Лидия Ивановна — машинистом подъёмного крана. Это её усиленный железный громкоговорителем голос раздавался по всей округе: «Вира! Майна!» Что это означает, он знал с раннего детства: это команды «вверх» и «вниз». И как-то само собой казалось, что всё уже предопределено в его судьбе.

Маленьким он бегал на стройку любоваться работой бригады каменщиков — тяп-ляп, тяп-ляп, вот и стенка готова! А значит, когда вырастет, он тоже будет на стройке класть кирпичи. Лучше всех!

Позже он стал мечтать стать водителем троллейбуса, объявлять пассажирам в

салоне остановки и, чтобы поднять настроение, рассказывать им анекдоты. И отчасти эта его мечта сбылась, так и работает с микрофоном на камеру.

Но когда вырос, его занесло в странное — он поступил учиться на факультет физики и математики Владимирского педагогического университета. Никого из многочисленной семьи Лукьяновых — мамы, отца, братьёв, тёток, дядьёв, племяншей, шуринов и золовок — до этого в высшее образование не заносило. А у него сыграло любопытство — хоть что-то новенькое, кроме стройки!

И он взял и поступил. Семья покрутила у виска пальцем, как же, малооплачиваемый школьный учитель математики будет наш Сашка... но не препятствовала, перебесится, сам на стройку придёт за деньгами, чай, уже не СССР, обязательного распределения нет.

А в студенческой жизни что самое главное? Верно — сама жизнь! С творческой самостоятельностью, молодёжным театром, КВНом. Пять лет пролетело одним днём, весело, шумно, друзья, девчонки! И навсегда осталось в памяти тёплым воспоминанием юности, как терпкий запах черёмухи, по весне дурманивший и так беспокойную студенческую голову.

Зачёты и экзамены, само собой, он тоже сдавал, но после занятий всё только начиналось!

Когда он заканчивал университет, однокурсники попросили его снять на любительскую камеру фильм про их физико-математический факультет. Снимал он его с товарищем день, затем ночь монтировали. Естественно, аудитория воспринимала на ура каждый кадр, визжали и плакали от восторга, ведь они видели на экране себя. Но он эти овации ошибочно принял на свой счёт... И после премьеры этой работы на выпускном вечере, который проходил в городском кинотеатре, то есть премьеры фильма сразу состоялась на большом экране — он почувствовал себя великим режиссёром. И девятнадцатого августа по объявлению пошёл устраиваться на работу на Владимирское городское телевидение. Как кем? Режиссёром, естественно.

В дверях старинного двухэтажного бывшего купеческого особняка его придержал усатый охранник:

— Ку-у-уда?!

— Туда! — махнул он рукой в сторону двери с надписью Newsroom, даже ещё не понимая, что означает это слово.

— Сейчас вас проводят, — пробормотал охранник в усы, взглянул в список местных номеров и снял трубку древнего телефона: — Тут к вам... Как зовут? Александр Лукьянов, на работу пришёл проситься.

Через минуту на вахту подошла милая девушка, разблокировала своим магнитным пропуском турникет и жестом показала, что ему нужно идти за ней. Всё это время она не отрывалась от разговора по сотовому телефону:

— ...Во сколько будет это мероприятие? Нет, мы не успеваем.

В то время такие телефоны только-только появились на рынке и стоили довольно дорого. Кроме того, у них был безумно дорогой трафик, примерно один доллар за минуту разговора, причём драли его с обоих абонентов. Когда владелец такого телефона приезжал на деловую встречу, то обязательно выкладывал на стол перед собой: тугой бумажник с торчащими из него стодолларовыми купюрами, ключи от иномарки, а сверху сотовый телефон. Так было принято, и прятать такую красоту в барсетку было знаком неуважения.

Однако хозяева и главреды новостных редакций, мгновенно сообразив, какие колоссальные конкурентные преимущества им давали эти коробочки, со скрипом, но всё же пошли на серьёзные траты — у всех их сотрудников были сотовые телефоны, и не по одному. Ну почти...

Наконец девушка обратилась к Александру:

— Подожди здесь, сейчас главный освободится.

Newsroom Владимирского городского телевидения жужжал, как осиное гнездо, в которое периодически тыкали палкой: одни люди сидели за компьютерами и печатали тексты; другие каждую минуту подбегали к ним, трясали за плечи, отвлекали, что-то показывали на экране и снова убегали; третьи разговаривали сразу по двум телефонам; а один ещё и держал на коленях третий телефон — там ждал очереди третий собеседник.

На стене, так чтобы было видно всем, висело три телевизора: на одном транслировались городские новости, на другом канал конкурентов; ещё один просто показывал студию, в которой сейчас никого не было.

— Это ты по объявлению? — подошёл к нему главный — человек невысокого роста с кучерявыми волосами и мимическими морщинами в уголках смешливых глаз.

— Да, я!

— Что делать умеешь?

— Э-э-э... снимать, монтировать... а что нужно? — ответил уверенно и почти спокойно.

— А репортаж написать можешь?

— Конечно! — выдохнул и почувствовал, как кровь приливает к щекам, образуя предательский румянец.

— Ну, давай! Тема «Яблочный спас». Эфир сегодня вечером, в восемь. Текст только Ольге покажи... Оля! — обратился главный к миловидной женщине за дальним столом, которая в это время внимательно водила глазами по монитору компьютера.

— Да, Михал Юрич, — отозвалась та, не отвлекаясь от своего занятия.

— Это вот... он, — главный запнулся и посмотрел на него. — Как тебя зовут?

— Саша Лукьянов.

— Вот Саша Лукьянов, наш новый сотрудник, на нём сегодня «Яблочный Спас».

— Угу, хорошо, — улыбнулась Ольга, продолжая смотреть в текст. — «Спас»? Да ты нас спас, Саша Лукьянов!

Его щёки пылали, а сердце колотилось так сильно, что казалось, это слышали все. Он вышел успокоиться и подышать воздухом на террасу особняка, вот так быстро и просто ставшего его местом работы. Здесь по утрам купеческая семья, видимо, пила чай из самовара и любовалась цветением яблочного сада. Ещё было лето, но среди листвы уже виднелись жёлто-красные яблоки, какой-то ранний сорт. Некоторые даже падали в невысокую траву. И вдруг трава зашевелилась. Это был ёжик.

— Здорово, братишка, вижу, ты здесь тоже по делу, — сказал он ежу, улыбаясь. Тот, пытая, толкал перед своим носом яблоко в сторону забора.

«Кстати, а неплохой первый кадр для репортажа получится!» — мелькнула в голове идея.

И понеслось...

Сначала его взяли администратором, но потом он стал репортёром и телеведущим. Однако первая запись в его трудовой книжке, которая появилась еще в студенчестве, была — «дворник». В ЖЭКе у него был участок №1. Он вставал на работу в пять утра — мёл листву, скрёб лёд и затем ехал вести эфиры в телестудию. Потом он мёл листву около центрального офиса Владимирского Сбербанка, где ему дали положительную характеристику, и с ней он поехал в Москву. Там устроился в хозяйственный отдел Администрации президента и начал мести булыжную мостовую уже на Красной площади. Но блестящей карьере смотрящего за чистотой прилегающих к Кремлю территорий он все же предпочел телевидение.

* * *

В 2000 году его друзья, ничего не сказав, отправили его репортаж на конкурс «Новости — время местное». И когда он пришёл на работу из отпуска, ни сном ни духом... на столе уже лежал диплом победителя и приглашение в Москву.

Так он и познакомился с Олегом Дмитриевым и его замечательным проектом, объединяющим телевизионщиков всей страны. Кстати, Маргарита Симоньян там тоже была.

И вот он уже практикуется на «4 канале» в Екатеринбурге, и его приглашают на ведение утреннего эфира. Там получает приглашение от ВГТРК работать в Москве и уже разбирает свои вещи в гостинице при телекомпании (тогда она еще существовала) в номере на двоих с Пашей Зарубиным (программа «Москва. Кремль. Путин»). Он тоже только-только приехал из провинции покорять столицу. Эх-х, 2001 год, как давно это было.

Как пузырьки шампанского в нос — непрерывный марафон сменяющих друг друга новостей, событий и командировок. Практически без выходных и праздников. Как верстовые столбы вдоль дороги мелькали города, в которых ему пришлось (посчастливилось!) поработать в качестве собственного корреспондента, заведующего корреспондентского бюро, заместителя директора филиала ВГТРК: Нижний Новгород, Киев, Ростов-на-Дону, Калуга и снова Москва.

От того первого кадра с ёжиком и до съёмок горящего Мариуполя прошло двадцать семь лет. И за это время были тысячи лиц, историй, судеб, трагедий и эпизодов счастья. Экспедиции на Северный полюс и поиск подземных химических лабораторий на необитаемом острове, затерянном в Тихом океане; полёт на дельтаплане над Байкалом и исследование подземных катакомб из сыпучего песчаника; тушение лесных пожаров в Чили; спасение людей от наводнения на Дальнем Востоке; война в Абхазии, командировки в Чечню, Сирию и на военный переворот в Казахстан; внедрение в толпу митингующих на Майдане; поездка вторым водителем на фуре через заблокированный Львов; съёмка, как останавливают российские машины на Западной Украине; экспедиция на заснеженный перевал Дятлова в поисках разгадки тайны гибели туристов; криминальная драма о расхитителях гробниц в Крыму, и всё

в таком же духе.

Однажды он от края и до края проехал всю Россию — из Мурманска до Владивостока на машине за четырнадцать дней. Наверное, в стране не осталось ни одного уголка, где бы он не снимал свои репортажи. Ему нравилась его работа — всегда в движении, всегда среди людей и в гуще важных и интересных событий.

И между всем этим: семья, рождение двух детей, строительство загородного дома своими руками, хобби, устройство детей в школу и детский сад — а это еще то испытание. И вдруг...

Двадцать четвёртого февраля 2022 года вся страна узнала о начале СВО — специальной военной операции. Эта новость застала его в поезде, когда он возвращался из Казахстана, где силами ОДКБ был предотвращён военный переворот. И он сразу написал СМС главному редактору его родного телеканала «Россия 24» Евгению Бекасову:

«Женя, мне туда выезжать?»

«Саша, пока подожди. Сначала разберёмся»

* * *

Существует юридический статус военного корреспондента. Это тот, кто отучился в военном вузе, получил погоны и служит офицером в армии, снабжая материалами ведомственные издания, Александр Лукьянов под этот статус не попадает, он гражданский журналист с большим стажем работы.

Когда началась СВО, потребовалось огромное количество военных корреспондентов, которых не было и которыми стали гражданские журналисты. Но пребывание в зоне боевых действий, естественно, требовало от военного корреспондента знаний мер безопасности. Сколько по времени летит мина? Как можно от неё укрыться?

И такая подготовка Минобороны проводилась на базе высших военных училищ. Однако так было подготовлено небольшое количество журналистов. Друзья рассказывали Александру, как это происходило в Академгородке Новосибирска в тамошнем пехотном училище. Летом 2022 года курсанты издевались над ними от души, гоняли так... с оружием, стрельбами, на полосах препятствий! Как будто не военков, а спецназ готовили.

А все остальные учились на ходу, в том числе и Александр, ведь сказано, опыт заменяет образование.

Так он и стал военным корреспондентом, практически безэмоциональным во время выполнения задания и очень даже эмоциональным после.

Всех журналистов, кто хотя бы однажды сделал для себя сложный выбор в пользу решения — идти туда, где тебя могут убить, но выполнить свой профессиональный долг, можно и нужно называть военкомом.

Военкомы... Это те журналисты, кто работал в «горячих точках», но по закону не мог иметь статус ветерана боевых действий, получая при этом ранения и погибая от взрывов вражеских мин на первой и второй чеченских компаниях, во время Грузино-Осетинского и Грузино-Абхазского военных конфликтов, в Сирии, на Донбассе с 2014 года и в зоне СВО с 2022 года — хотя бы раз.

А что касается Александра, то он свой выбор сделал уже давно и не один раз.

Воспоминание седьмое МУЛЬТИК ПРО КОТА ЛЕОПОЛЬДА

Он в армии, в составе военной агитбригады, как лектор Всероссийского общества «Знание». Эта агитбригада — певцы, музыканты, лекторы — была официально направлена в зону боевых действий СВО по заданию Главного военно-политического управления Вооружённых сил РФ в подразделение Пятой гвардейской общевойсковой армии, которая выполняла боевую задачу в ДНР. И у Александра были специальные просветительские задачи, связанные с его основным родом деятельности — тележурналистикой.

На своих лекциях он помогал бойцам разобраться в политических событиях, в исторических причинах этого военного противостояния, а ещё говорил о том, как не получить «ранение в голову» от вражеской пропаганды.

Рассказывал об истории военных конфликтов, в том числе и этого, разбирал их причины: как возник проект «Анти-Россия» и какие пропагандистские уловки используются. И много ещё чего... Ведь на СВО, как нигде, бойцам важно было знать ответ на вопрос — зачем?!

Аудитория на его лекции ходила непростая и самая разная, но если лектор в теме, то принимали его уважительно. Однако бывало по-разному...

— А зачем вы нам это все рассказываете? Лучше бы мультик про Леопольда включили! — прилетела реплика из «зала».

— Хм-м, вопрос резонный, правильный!

Встреча проходила в «располаге», в большой штабной палатке штурмового батальона.

— Итак, зачем...

До этого Александр уже успел рассказать аудитории о своём репортаже-расследовании в Киеве на Майдане осенью 2013 года. Как внедрился в толпу участников митинга и узнал, что этой массовке платят деньги — пятнадцать гривен в час. Показал и обсудил сюжет, как после начала СВО на Запорожье он встретил местного селянина, и тот тоже задал вопрос:

«Зачем?! Зачем вы русские тут?!»

И он ему объяснял, почему на его огороде теперь шла война.

Так вот вопрос из зала с пожеланием показать мультик про кота Леопольда...

Сначала Александр обратился ко всем присутствующим и спросил:

— Было ли для вас что-то новое в том, что я вам сейчас показал и рассказал? — несколько голов согласно кивнули. — Так вот, я, как и вы, пытаюсь найти ответы на вопросы, которые меня волнуют. В частности, как получилось так, что люди, которые раньше жили друг с другом в мире, сейчас в войне? И в ходе поиска ответов я находил факты, ранее мне неизвестные, и тогда из недостающих пазлов у меня складывалась полная картина миропонимания. События получали объяснение. Тревога от незнания и от непонимания уходила. Становилось легче жить. Многие из вас, возможно, задают эти вопросы сами себе. А я лишь делюсь с вами своим опытом поиска ответов на них. И если это поможет заполнить несколько недостающих звеньев в вашей головоломке, я буду рад. Я здесь за этим. Поделиться, чтобы помочь, чем только могу. Я ответил на ваш вопрос?

— Да, — кивнул головой его неожиданный оппонент.

— А мультик про кота Леопольда, согласен, хороший. Посмотреть можно, но в другой раз. А то и так много мультиков и развлечений во всех «утюгах» страны, а времени для серьёзного разговора не хватает...

И в конце лекции Александр подарил ребятам шевроны, книги по истории, а артисты спели хорошие душевные песни. Расстались со слушателями друзьями. Очень хорошо всё сложилось.

Воспоминание восьмое **СТАРИК ВАЛЕРИЙ УЛЫБИШЕВ**

Александра Лукьянова отправили в Донецк на двадцатый день СВО. В зоне боевых действий уже постоянно работали ребята из службы новостей «Россия 24», а он из другого отдела — специальных проектов, там снимают фильмы и большие специальные репортажи.

Собкор канала Андрей Руденко сориентировал его на месте и во всём помог. Он фактически взял под своё братское крыло их (оператора и его) группу, дал машину с водителем, свёл с нужными людьми и подсказал, где что происходит, а ещё — по какой стороне улицы лучше идти, чтобы не задела осколки в случае обстрела города «Градом», и чтобы ни в коем случае не садились в кафе у окна, нельзя — вдруг, не дай Бог, осколками посечет.

Андрей местный. С 2014 года он жил в Донецке в состоянии перманентных боевых действий. Нарботал и опыт, и связи. Это он подсказал, что можно поехать в Мариуполь, потому что слышал от военных про первых беженцев. Дал «пароль и отзыв», который нужно было говорить на блокпостах.

И они поехали. Было ли страшно? Только дураки не боятся. Но ответственность перед редакцией, зрителями и природное чувство любопытства этот страх удерживали глубоко внутри. Зато концентрация внимания была такая, что мозги кипели.

* * *

И вот опять перед глазами Александра окраина Мариуполя. Мысленно он снова вернулся в двадцать восьмой день СВО.

Люди в ожидании эвакуационного транспорта для выезда из города столпились на российском блок-посту. В садовой тачке сидел ребёнок в замазанной копотью одежде. Его в этой тачке сюда и привезли. Рядом, сидя на деревянном ящике, за ним присматривала бабушка, опустив голову и уперев взгляд в землю.

Их укутывали облаками пыли проезжающие мимо грузовики. В них сидели бойцы с белыми повязками на рукавах или штанинах. Это были свои! Опознавательный знак,

неведомо кем и когда придуманный и впервые использованный — белый и красный, цвета российского флага. А вот жёлтые и синие — это враг.

А по-другому как различить, кто враг, а кто нет? Форма у всех одинаковая — военная, цвета хаки, такая в любом военторге или охотничьем магазине продаётся. Разговаривают все по-русски. Не исключено, что даже родственниками по разную сторону фронта могут оказаться.

Поэтому только так — лента на рукаве или на штанине.

Из города выпускали не всех. Мужчины снимали футболки и закатывали штанины. Если на теле была наколота нацистская символика — свастика, паутина на локте, орёл рейха с украинским тризубом вместо свастики, 14/88, руна принца, волчий крюк, бафомет, мёртвая голова, портрет Адольфа, лицо Бандеры, переплетающиеся флаги Украины и УПА, то их забирали сотрудники МГБ ДНР. С ними уже был другой разговор. Остальных везли в палаточный лагерь МЧС, разбитый в посёлке Безыменно.

В лагере многие из них впервые за много дней ели свежееиспечённый в полевой кухне хлеб. Ночевали в брезентовых палатках, вокруг которых бегали пацаны и играли в войнушку.

— Это у меня автомат! — показал один другому сухую, поднятую с земли палку.

— А у меня базука! — кричал другой и бежал в овраг за трухлявым корнем ивы.

— Ребзя, окружай его!

Игра началась! В других обстоятельствах он бы смотрел на эту картину с умилением, ну, играют дети, и что, все так играли. Но сейчас...

В ушах ещё стоял гул от артиллерийских залпов и автоматных очередей... Эти дети уже видели настоящую войну. Они вместе с родителями прятались от взрывов, боялись их, как и все. И что? Игра их увлекала по-прежнему... Мальчишки всегда мальчишки.

— У меня сосед совсем плох, ему бы врача... — надвинулся на него высокий мужчина в длинном плаще, с взлохмаченной бородой и с большим количеством пакетов в руках. Мужчина наклонился к его уху и уточнил просьбу: — Это сосед мой, он ходить не может, не оставлять же его было, — сказал он громко, видимо, подумав, что его не услышат. Контуженный. Вы здесь главный?

Саша хотел было честно сказать «нет», но осёкся.

А кто сейчас «главный» здесь для него? Наверное, тот, кто как-то мог помочь? Саша огляделся, сотрудники МЧС занимались другими беженцами, машины скорой помощи на месте не было, она повезла пострадавшего в районную больницу, и когда врачи приедут обратно, неизвестно.

— Да, я. Где ваш сосед?

— Вон там!

На лавочке, оперившись на палку, сидел старик. Лицо с глубокими морщинами, щетина. Он едва мог говорить.

— Что у вас болит?

— Всё, — ответил за старика его спутник. — Он диабетик, а без лекарств сколько в подвале просидел. Ноги отказали. Я его на спине сюда принёс.

— Родственники есть?

— Сын у него в Киеве.

Старик только молча кивал на слова своего спасителя.

— Как вас зовут? — Саша решил хоть что-то узнать о старике.

— Валерий, — проговорил тот ссохшимися губами.

— А фамилия какая?

— У-лы-бы-шев-в, — ответил старик скрипучим голосом, словно старая сломанная музыкальная шкатулка, которую не раз роняли на пол, и теперь она выдавала нескладные и едва различимые звуки.

Ещё удалось узнать, что ему семьдесят один год, квартира в Мариуполе сгорела, а в кармане только паспорт и разрядившийся телефон.

— Сидите здесь, я скоро вернусь!

В палатке администрации лагеря регистрировали беженцев. Представился старшему. Сказал, что так и так, есть старик — Валерий Улыбышев, он совсем плох; готов отвезти его в больницу.

— Там все места уже заняты, и в палатах, и в коридорах лежат, — уверенно ответили ему.

— Тогда давайте в Донецк или в Ростов отвезу. У меня есть машина и спецпропуск. Вы только отметьте его в своих списках, что не пропал человек. Он теперь со мной — Валерий Улыбышев его зовут.

— Ладно, отметим. Везите!

Оператор Паша понял всё сразу, когда увидел его с едва ковыляющим стариком.

— Садись, отец, сейчас поедет, — сказал он, уступая ему своё место.

Салон наполнился терпким запахом старости, гари и мочи. Но никто не сказал ни

слова. Только лишь приоткрыли окна машины.

Поехали, обгоняя по встречке вереницы машин беженцев. Им было можно — пресса! Навстречу шла колонна военных тягачей, груженных танками с белой буквой Z на борту. Они прижались к обочине, давая широкий путь войнам.

— А ну, давай-ка мы его к проводу подключим, — Саша взял у старика потёртую кнопчную «Нокию» и подключил её к пауэрбанку. Через минуту гаджет проснулся.

В контактах был номер, помеченный как «брат». Оказалось, что он живёт в Донецке. Родные братья не виделись с 2014 года. Нельзя было. Между их домами проходил фронт. Он же стал и линией разграничения для братьев.

Саша набрал номер. Ответил мужской голос.

— Вы сейчас дома? Мы вам брата Валерия Улыбышева скоро привезём. Диктуйте адрес... Да, всё в порядке, живой он, живой!

Через два часа въехали в город. Валерий давно здесь не был.

— А Донецк изменился, — проскрипел он.

Да что тут говорить, не сравнить с тем, что было. Донецк же называли городом миллиона роз. Местные озеленители высаживали эти цветы разных сортов на всех клумбах, на всех проспектах и скверах. Сейчас еще можно было заметить остатки былой роскоши. Несколько кустов на набережной и у драмтеатра.

То тут, то там встречались разрушенные ракетами здания и посечённые осколками фасады домов. Мешки с песком закрывали стеклянные витрины магазинов и офисов. Реалии прифронтового города.

Заехали в типовой жилой квартал. Набрали номер брата Валеры.

— Приехали, встречайте!

Через пару минут из двери подъезда вышел взволнованный пожилой человек и побежал к тому, которого они уже аккуратно вынули с заднего дивана машины и держали на руках.

— Живой... — выдохнул он слово, которое в эти дни стало главным. Они обнялись.

— Я как-то могу отблагодарить? — спросил брат.

— Ничего не надо, берегите себя и брата!

— Спасибо! Валера, идём домой, всё хорошо, ты дома, — держась друг за друга, два старика зашли в подъезд многоэтажки. Автоматический замок одобрительно пискнул. Всё, дома!

А Саша сел в машину и поехал монтировать репортаж, который уже ждали в редакции. На телефоне были десятки пропущенных рабочих номеров. Жена так и не позвонила...

Воспоминание девятое НА ВОЛОСОК ОТ ГИБЕЛИ

Пока они везли пассажира — старика Валерия Улыбышева, Сергей не проронил ни слова. Молча рулил, глядя на дорогу.

— Ты чего такой?

— Какой?

— Как контуженный! — Александр слегка улыбнулся и похлопал его по плечу, давая понять, что это он так шутит.

— У меня же отец тоже где-то там, в зоне боевых действий. Связи с ним нет уже месяц. Деревня как раз за Волновахой. Там сейчас бои. Я у знакомых спрашивал: может, кто что про него знает? Никто и ничего.

— Так давай съездим!

— Да куда там! Не пропустят. Блокпост на блокпосте. На первом же завёрнут обратно.

— Завтра едем! Я удостоверение журналиста покажу, пропустят. Только бронжилет тебе нужно. Есть у тебя?

— Найду в редакции...

И на следующий день они собрались в редакции. Первый же вопрос был ко всем:

— Кто в курсе, что сейчас происходит за Волновахой? Где наши стоят, где враги?

— Ну, это надо на месте узнавать...

Ну что, поехали узнавать! На машине с двух сторон малярным скотчем прилепили опознавательный знак Z. Это чтобы свои не подстрелили.

По обочинам трассы остовы сгоревших машин. Их сдвинули, чтобы они не мешали движению, но пока не убрали. Мосты взорваны, поэтому, чтобы найти объезд, иногда приходилось петлять несколько километров по просёлочным дорогам.

На въезде в освобождённую Волноваху на постаменте стоял покрашенный в зелёную краску танк Т-34 — памятник войнам-односельчанам, павшим в годы Великой

Отечественной войны. Рядом с ним стоял подбитый современный танк. Вот они и встретились. История сделала свой виток. На Украине снова фашисты. И их снова приходится выбивать.

Здесь когда-то была улица. Понять это можно теперь только по оставшимся фундаментам домов и грудам кирпичей. А здесь была трёхэтажная больница — сейчас от неё остался только один этаж, причём больница работала!

На изрешеченной пулями и осколками автобусной остановке они спросили, как проехать к администрации.

— Видите, где гуманитарку людям раздают? Вам туда...

Недалеке военные с борта грузовика раздавали людям хлеб и бутилированную воду. У входа в здание, точнее, возле того, что от него осталось, двое что-то делово обсуждали. Точно командиры. По выправке видно.

— Братка, скажи, к Лесному можно проехать или нет?

— А вот точно не скажу. Каждую минуту всё меняется. Тебе лучше там спросить.

Поехали дальше! Грунтовая дорога мимо окопов и блиндажей шла по изрытому воронками чернозёмному полю. И посередине этого поля на табуретке сидел молодой парнишка с винтовкой Мосина. Он проверил документы Александра, которые вызвали у него неподдельное уважение, кивнул и важно сказал:

— Проезжайте!

— А фронт где?

— Не знаю, дальше спросите, на следующем посту.

Двинулись дальше! Чтобы не держать в себе волнение и страх, начали разговаривать. О том, о сём, что в голову приходило. Как чукчи, комментировали всё, что видели.

— Здесь всё, наверное, заминировано, поэтому из колеи не вылезаем. Не останавливаемся. На обочине не встаём, терпим! — сами себе они проговаривали очевидные вещи. — Ногами ничего не пинаем! Здесь ещё могут быть «секреты» и «подарки», для нас оставленные, они вмиг ноги оторвут. И это ещё будет лучшим раскладом.

— Ну где же уже этот пост?! — нервничал Сергей.

Дорога завела их в лес. И вот за поворотом цель их поездки — деревня Лесное, в которой Сергей провёл своё детство и где живёт (или жил?) его отец. Это его больше всего и волновало — жив ли батя?

Первый дом от дороги был разрушен полностью, видимо, прямым попаданием снаряда или ракеты. Следующий был цел... А вот и родной дом Сергея.

— Фу-у-ух! — он шумно выдохнул. — Дом на месте.

Но что это? Неужели в доме никого не было или им так показалось? Но тут на крыльцо вышла женщина и, увидев Сергея, с радостным криком сразу бросилась ему на шею. Это, как потом выяснилось, была его тётушка, родная сестра отца.

— А где батя? Живой?! — спросил он, высвобождаясь из её объятий.

— Живой, живой!

А вот и сам батя, бежал к ним с огорода! И были крепкие объятия. Отец и сын опять были вместе и едва сдерживали слёзы.

— А мы все головы ломаем, как бы узнать — живой ты, чи ни? — сказал батя Сергею.

Дом чудом не пострадал от боевых действий и не был разграблен. Не было электричества — выручал бензогенератор. Не было воды — таскали её из колодца.

И произошёл между ними короткий, но серьёзный разговор... Сергей предлагал батю и тётушке немедленно собираться и прямо сейчас ехать к нему в Донецк. Но отец ехать отказался, отговорившись, что нужно помогать старикам-соседям, да и прирос он к родному дому и своему огороду — не оторвать.

За чашкой чая сын сделал ещё один заход, чтобы уговорить отца, но тот стоял на своём твёрдо.

— Да скоро уже всё наладится, — махнул он рукой.

— А украинские войска далеко? — из любопытства спросил Александр, уже садясь в машину вместе с тётушкой, которая всё же решила ехать на эвакуацию.

— Так вот же они, в конце улицы, в бывшем детском летнем лагере, — спокойно сказал отец Сергея.

По спине Александра пробежал неприятный холодок...

«Хорошо хоть, что никто из них не вышел покурить! — пронеслась мысль. — Одна автоматная очередь, и всё! Или плен, что ещё хуже! У нас ведь и машина разрисована, и на груди у меня синий бронежилет с надписью «Пресса», за местных никак не сойдём!»

— Давайте быстрее!

Назад ехали нервно и очень быстро! Но пронесло...

* * *

— Так это же ещё «серая» зона, — объяснил Александру на следующий день официальный представитель народной милиции ДНР Эдуард Басурин, когда тот на карте показал ему маленькое село Лесное, куда они предприняли свою дерзкую вылазку. — Туда точно не надо соваться. Там ещё туман войны, район полностью не зачищен, особенно в лесной местности.

— Так мы уже того... сунулись вчера! — смущённо произнёс Александр. — Нашим на тамошний летний детский лагерь нужно обратить внимание, там у ВСУ лёжка. Инфа «сотка», «стопроц».

— Тогда считайте, что в рубашках родились, — чуть помедлив, тихо сказал Басурин и уже как обычно: — Только в следующей раз в «серую» зону не лезьте, там война, там убивают. Это приказ, Саша!

Воспоминание десятое НЕРАЗМЕННЫЙ ПЯТАК «СИБИРКА»

— Ну ты как, Серёга? — улыбнувшись, спросил Александр водителя на следующий день в редакции. — Как тётушка?

Однако улыбка у него вышла несколько вымученной, вчерашний стресс ещё давал себя знать.

— Полегчало... А тётушка уже с утра на рынок пошла, хочу, говорит, как раньше. Там все новости.

— Ну и слава Богу! Броник верни, разведка! Конец этому детскому летнему лагерю в Лесном, так понимаю?

Александр по привычке засунул руки в карманы куртки и в одном из них нащупал пятак «сибирку» — сибирскую монету 1766 года, времён Екатерины Великой. Увесистый, отчеканенный на Сузунском монетном дворе, из Екатеринбурга возить монету в Сибирь было далеко и опасно, из отличной колыванской меди, пятьсот тонн которой тогда накопилось в Сузуне при отливе золота и серебра из руд. «Сибирки» весьма ценились коллекционерами-нумизматами и любителями копа — прогулок с металлоискателями.

И сразу почувствовал тепло дома и руки жены. Это она, следуя бабушкиным рецептам лечения, держала этот старинный пятак в домашней аптечке. Он на раз снимал отеки при ссадинах, ушибах и был лучшим средством от синяков. И Александр тут же согрел им пальцы озябшей руки. Это был его секретный талисман, хранивший тепло рук поколений семьи его жены, незримая связь с домом.

Он повертел тяжёлый медный крутяш с полустёртым двуглавым орлом в руках... Н-да, не очень хорошо они нынче расстались с любимой, на нерве, сердце до сих пор не на месте.

Достал телефон и, решившись, быстро написал в Телеграме (другие мессенджеры из-за вездесущих вражеских хакеров «за ленточкой» были строго запрещены): «Любимая, я вернулся в город. Сейчас в гостинице. Живой и невредимый. Целую!»

И тут же прилетело сердечко: «Я та-а-а-ак тебя люблю, Саша! Уже соскучилась. Когда же ты приедешь?»

Значит, отошла! Ну вот и славно, теперь жить уже было можно!

*«Мною прочитано,
с моих слов записано верно», —
военкор Александр Лукьянов*

СИБИРСКИЙ ОПЛОТ ГЛАВКОВЕРХА

*Ты на рассвете бойца позови
И попроси, чтоб вернулся живой!
Всё у него ради вашей любви,
Всё, чтобы он возвратился домой!*

Крестина Гладкевич

Когда Равиль приезжает домой в Новосибирск в очередной отпуск, Карина самая счастливая жена в мире. А когда он на войне, всякий день у неё начинается с панической атаки, если он вдруг не позвонил или не прислал голосовое сообщение (текстом ему писать некогда):

— Доброе утро, любимая! Я жив!
Этого ей вполне достаточно.

Незабываемая встреча в верхах

Октябрь 2022 года. Полигон Западного военного округа.

Главковерх с группой генералов прибыл сюда на вертолёте, чтобы лично посмотреть, как идут дела у мобилизованных — молодых ребят, уже отслуживших срочную службу и на этом полигоне восстанавливающих свои боевые навыки перед отправкой в зону СВО.

В стрелковой галерее полигона была слышна оглушительная пальба. Главковерх подошел ближе.

— Это они по гонгам бьют? — проявил он знание предмета, различив цокающие металлические звуки.

— Да, это снайперы тренируются, дистанция триста метров, не меньше, — ответил начальник полигона.

* * *

— Как вас зовут? — слегка улыбнувшись, спросил главковерх у стрелка с номером пять на повязке, задом выползшего из-под маскировочной сетки прямо ему под ноги, и который, узнав главковерха, уже собрался быстренько заползти обратно.

— Равиль.

— Вы откуда?

— Из Новосибирска.

— Не местный?

Стрелок кивнул.

— Когда служили?

— Пятнадцатый-шестнадцатый.

— А здесь с какого времени находитесь?

— С седьмого октября, — ответил стрелок.

В этот день главковерх в Константиновском дворце в Санкт-Петербурге праздновал свой семидесятилетний юбилей. То есть, в каком-то смысле, они оба с этой даты повели отсчет с нуля.

— Навык восстанавливается? — главковерх протянул стрелку руку для пожатия.

— Так точно!

— Да не снимайте перчатку, не снимайте!

— Положено так! — стрелок стянул-таки перчатку и осторожно пожал протянутую руку.

— Чувствуете себя уверенно?

— Так точно!

— Патрон в патроннике? — уточнил главковерх, показывая глазами на стрелковую позицию Равиля с отставленным оружием.

— Так точно! — стрелок понял, что главковерх хочет пострелять из его «весла» в положении «лёжа». — Да, пожалуйста, всё же готово!

Главковерх надел специальные очки, наушники и ловко заполз под маскировочную сетку. Там немного поворочался, залёг как надо, снял оружие с предохранителя, прицелился, замер и несколько раз выстрелил по мишеням из снайперской винтовки

Драгунова *(в войсках ее, действительно, называли «веслом»)*. Звуки гонгов при этом, да, были слышны. Попал!

Встал. Отряхнулся. И уже отойдя от стрелка, вдруг вернулся к нему:

— Семья у вас какая?

— Дочка. Пять лет, — грустно отозвался стрелок.

«Видимо, жена уже бывшая, — понял главковерх. — А дочь, конечно, бывшей не бывает».

— Где работаете?

— Инспектором Горэнергонадзора.

— Удачи, Равиль! Счастливо! — главковерх ещё раз крепко пожал стрелку руку и по-отцовски приобнял его, как будто накрыл благодатным защитным покрывалом.

Равиль

Да, это я и есть, тот самый стрелок с номером пять на повязке — зовут Равиль, позывной «Фобос», это в древнегреческой мифологии сын бога войны. И да, я из Новосибирска, из «Ямы». Это, кто не знает, окраинный Станиславский жилмассив на левом берегу Оби, рядом с Кирзаводом. В двадцатой школе учился.

Я сейчас на войне, поэтому заранее прошу меня извинить за то, что на заднем фоне иногда слышится грохот. Это выходы нашей артиллерии, которая лупасит хрен знамо куда. И ещё за то, что я в разговоре делаю большие паузы и зеваю. Я сейчас очень сильно хочу спать, и мозг отказывается думать и вспоминать. Но тем не менее...

На войне я уже три года, почти с самого её начала, «мобик» первого призыва. Работы много. А работаю я сейчас, блин, орнитологом-любителем, контролирую поголовье хищных птиц Приднепровского бассейна! Сегодня вот сбил из своего автомата дрон противника и уже далеко не первый. А говорят, в дрон из нарезного ствола попасть невозможно, не удержать его в трёхкратную оптику. А вот и нет, очень даже возможно! И сегодня уже сплошь и рядом снайперов с пехоты на ПВО переучивают.

Вообще, есть разные «народные средства» борьбы с дронами. Например, самое распространённое — дробовики. Но они, в отличие от автомата, результативно бьют своим облаком из дробы на близкое расстояние, тридцать пять — сорок метров. Но так близко подпустить дрон страшно, ведь только дураки не боятся. Есть, конечно, асы-«дронобои», хитрые, умные, могут и с шестидесяти метров дрон из дробовика завалить, но таких очень мало. Плюс нехватка охотничьих патронов, их же в стандартном стрелковом боекомплекте не привозят, впрочем, как и сами дробовики. Кто где их добывает. В общем, вариант не для всех.

Ещё есть, что сами переделывают патроны для автомата — с дробью. Но с ними бывает, что пластмасса попадает в газоотводную трубку, и автомат перестаёт перезаряжаться. А в бою это крайне нежелательно!

Нормальный вариант один — учиться попадать в дрон из штатного автомата АК-12 с расстояния до четырёхсот метров, правильно вскидывать и наводить оружие, стрелять из неудобных положений и так далее.

Обычно же как... Боец начинает щемиться и обнимать берёзу, молясь, чтобы эта зараза мимо пролетела. А нужно сознательно, понимая всю опасность, выходить с ним на контакт. Не убегать! Эффекта внезапности уже нет, значит, надо остановиться и атаковать. И побеждать! Знаю, это очень трудно, переломить себя, но я, да, люблю и умею стрелять и постоянно в этом своём умении тренируюсь.

А тренируемся мы с ребятами из «мобильных групп ПВО» так. Любым способом подвешиваем или свешиваем на высоту двадцать-тридцать метров (многоэтажка, вышка, террикон и т.д.) чугунную опору железнодорожной шпалы. По размерам она равна дрону, вид спереди. При попадании в неё слышится колокольный звон, потому и называют такую мишень «гонг».

Моё любимое занятие — это ночная охота на дроны. Она ещё и поэффективнее дневной бывает. Враг уверен, что его не видят, а я уже включил запись ролика в своем прицеле с тепловизором. В интернете полно таких видео, где снайперы сбивают тяжёлые гексокоптеры «Баба-яга» и лёгкие «Мавики». Вот так же...

Но для такой охоты оружия мало, ещё нужна лёгкая и удобная «снаряга» — снаряжение, чтобы не стесняло движений. Так у меня есть специальный снайперский «броник» — бронезилет. Он весит всего кило восемьсот, но держит и осколки, и пули. А бегать в нем, перекачиваться, прятаться и стрелять, по-любому удобнее, чем в стандартной броне от пятнадцати до двадцати пяти килограмм. В нём нет металлических пластин, внутри пакет из тысячи слоев тонкой полиэтиленовой пленки, как в супермаркете продукты заворачивают. Если этот броник надеть на деревянный стул и выстрелить в него в упор, скажем, из Стечкина с глушителем... то пуля увязнет в пакете. И половины слоёв не пройдёт. А на спинке стула появится небольшая вмятина.

А это значит, что, случись, и ребра уцелеют... но синяк, конечно, будет.

Срочную службу в армии я служил в Вологодской области в двенадцатом главном управлении Министерства обороны, где состоял на должности старшего электрика-стрелка в звании ефрейтора. Большого сказать не могу. И по сей день я в этом смешном звании, только уже на должности снайпера и одновременно сапера в расчете FPV-дрона. В основном бомбим, иногда тараним. Получается!

Сейчас вот уже перешли на оптоволокно, оно же «оптический кабель», «волоконно-оптический кабель», «оптическое волокно», «оптико-волоконный кабель», «оптоволоконный кабель» и так далее. Это когда управление дроном идёт не по радио, а по световому лучу. Старая идея, но реализовали её только сейчас, до этого материалов таких не изобрели.

Теперь от «дрона на верёвочке» тянется тонкая, но прочная нитка с катушки длиной до двадцати километров. Такой дрон невозможно подавить средствами радиоэлектронной борьбы — РЭБ, он невидим для локаторов, и картинка на его мониторе изумительная. Но практически все они одноразовые, «камикадзе», верёвочку назад уже не смотать. Так и лежит эта тонкая и хрупкая паутина на полях, среду загрязняет. Голыми пятками по ней ходить опасно, воткнётся кусок, не вытащить без операции.

* * *

Итак, седьмое октября 2022 года — день рождения Владимира Владимировича Путина. За день до этого мы с женой Мариной... Правда, тогда Карина ещё не была моей официальной женой, другая была, первая — Алина, но я Карину и дальше буду так называть — жена. А потому что с детства любил только её и хотел на ней жениться. И всё у меня получилось, жаль, не с первого раза... но получилось же!

Так вот мы с женой Мариной и моим старшим братом ходили по магазинам и закупали мне все необходимое. Закупили! И на следующий день я прибыл в военкомат уже в военной форме, в берцах, с тактическим рюкзаком на двадцать литров и с большой клетчатой сумкой «мечта оккупанта» с хавчиком и разными нужными вещами, главными из которых были — китайский проигрыватель с любимыми дисками, тёплые носки и прочие мамины поддёвки. Пригодятся!

Пора было отправляться. Мы присели на дорожку. Провожать меня пришло, кстати, достаточно большое количество народа. Друзья, коллеги по работе, мама, батя, брат, жена и некоторое количество моих татарских родственников.

Добрались мы до учебного центра под Рязанью довольно быстро, всего за трое суток. И началась наша подготовка. Меня сразу же определили на позицию снайпера.

Обучение... Было много инженерной, тактической и специальной подготовки, боевые выходы, тренировки, стрельбы. А потом приехал генерал, посмотрел на наше обмундирование и сказал нашему командиру:

— Вы что, офонарели?!

И нам тут же выдали другое обмундирование и экипировку — новые «Ратники», целиковые комплекты: бронежилет с композитными пластинами; бронешлем из композитных материалов; комбинезон; боевая рубаша и брюки; защита суставов, паха и лица; перчатки; противоосколочные очки; портативная мультимедийная станция и прочая, прочая, прочая... даже рюкзак с питанием, аптечкой и системами подогрева.

Красота, как в кино!

А потому что сказали, что должен прилететь кто-то очень важный, посмотреть на нашу огневую и прочую подготовку. Вроде это был Сергей Кужугетович Шойгу, состоявший на тот момент министром обороны России.

Ну прилетел бы министр, и ладно, нам-то какая разница, у нас занятия. Но всё равно, все разоделись в новую форму, и у всех стало немного декоративное поведение. Однако занятия шли, как они и должны были идти.

И тут к нам на вертолёт, действительно, прилетел Шойгу, но не один... а в свите президента. Так и случился тот телерепортаж с ним и со мной, обошедший весь мир. А дело было так...

Мы упражнялись в огневой работе по точкам. На сто, двести и триста метров в стрелковой галерее висели мишени — гонги. Это такие металлические конструкции — «чебурашки», прикреплённые к раме цепью. Если в этот гонг попадаешь, он издает звук «дзинь». Ещё в стрелковой галерее были мишени со взрывпакетами. Если в неё попадешь, пакет взрывается. Там же висели и шарики с красной краской. Если в такой шарик попасть, краска расплещется. Замечательные, кстати, мишени и упражнения. Чем чаще мы так стреляли, тем больше было интереса к огневой подготовке. И даже какой-то азарт при этом просыпался.

И вот мы стреляли, стреляли... В положении «лёжа». И тут мне сверху сказали:

— Пятый номер, прекратить стрельбу!

И хлопнули по ноге. Я прекратил стрельбу, поставил винтовку на предохранитель,

положил её с правой стороны, повернулся... и увидел погоны генерал-лейтенанта:

— Сынок, поднимайся!

Я выполз из-под сетки на локтях назад, встал, отряхнулся, повернул голову направо и увидел... президента!

А президент задал мне вопросы. Я ответил. Такое было чувство, как будто он у меня интервью брал. Я вопросов ему не задавал, это он их мне задавал, а я ему тупо отвечал без лишней шелухи. Кто-то теперь говорит, что я испугался. Может, и так, пробило же меня на «так точно!» Кстати, по этому поводу враги написали в Телеграме:

«...все мобилизованные без исключения были заперты в казармах, а призванных на фронт изображали переодетые сотрудники ФСО, именно поэтому их ответы содержали нетипичную для гражданских лиц лексику „так точно!“»

А-ха-ха! В общем, президент задавал мне вопросы, а я ему отвечал. Всё!

Забавно получилось с перчаткой. На мне же были тактические перчатки, а президент мне руку протянул. И я начал правую перчатку снимать. А чтобы ее снять, нужно было оттянуть резинку от маскхалата, отстегнуть застежку и только потом снять перчатку, потянув её за пальцы.

Президент сказал мне, мол, не снимайте, не снимайте... А я сказал, что так положено. Это же неуважение, еще с далёких времен, когда руку жмёшь в перчатке. Снял!

После того телерепортажа я стал у нас в «Яме» массивской знаменитостью. Однако появились и некоторые проблемы. Просто всем стало очень интересно, почему президент подошел именно ко мне? И родились легенды. И кем только я в них не был...

И курсантом рязанского училища ВДВ. И офицером-контракtnиком. И охранником президента из ФСО, и майором ФСБ, который в дальнейшем контролировал вывод наших войск из Херсона, но меня убили.

Вскоре вся эта шумиха закончилась, и мы, отучившись, поехали на войну, в славный город Гениченск на левом берегу Днепра, с начала ноября временную столицу новой Херсонской области России. Там на бережке мы и окопались, как гномы во «Властелине колец», чтобы нас часом не прошли насквозь с правого берега.

И тут меня отправили на дальнейшее обучение в Краснодарский край, в красивый городок Горячий Ключ, на бывшую базу знаменитой ЧВК «Вагнер», в десятую бригаду спецназа. Замечательная бригада, замечательные инструкторы. Учили нас...

А сейчас я и не знаю, как там всё. Вроде уже и нет там учебного центра. А может, и есть, но смысл в том, что это были незабываемые две недели. И по факту обучения, и по факту того, что ко мне туда приехала жена Карина, и мы с ней наконец-то поженились.

Да, там мы с ней и поженились официально! И это было весело и великолепно. Мы расписались в местном загсе и с этого момента стали мужем и женой. Но про это пусть лучше Карина расскажет, а то у меня память короткая на все эти события. Мне целый год понадобился, чтобы запомнить, какого числа у нас была роспись. Как зачем? Чтобы поздравлять жену с годовщиной!

И в дальнейшем мы уже виделись с Кариной только в моих отпусках домой. Через девять месяцев после Горячего Ключа у нас с ней родился маленький мальш по имени Матвейка. Замечательный карапуз, кучерявый и почему-то похожий на маленького Володю Ульянова.

Карина

Карина тоже из Новосибирска. Фильм «Один дома» с Маколеем Калкиным помните? Вот это Карина и есть, один в один на него похожа. Или он на неё, а-ха-ха.

Ну и как, скажите, такого славного ребёнка можно было бить? А вот Каринин папаша именно этим и занимался. Приезжал, сволочь, со своей нефтяной вахты в Тюмени, садился ей на ноги и лупил десятилетнюю девочку, весом двадцать килограмм, по спине латунной пряжкой солдатского ремня. И ещё запрещал ей кричать от боли, мол, сама виновата. Это он так за дочкину успеваемость в школе боролся, «педагог» грёбанный.

И не было большей радости у Карины, когда в один прекрасный день папаша объявил им с мамой и сестрой:

— Две недели вам даю, и валите отсюда, куда хотите, я себе новую жену из Тюмени привёз.

Мама Карины не стала спорить и плакать, продала большой родительский дом в Маслянино, доставшийся ей по завещанию, и на эти деньги купила небольшую хрущёвку в «Яме», в доме с большим общим двором напротив дома Равиля. Забрала дочек, подала на развод, и всё на этом, отмучалась в «счастливом» браке.

Вот тогда-то, в этом дворе они и познакомились — Равиль и Карина. Тогда ещё гаджеты только-только начинались, и все дети ещё гуляли во дворах — горка, беседка, теннисный стол, футбол, зимой хоккей и, конечно, войнушка.

В отличие от ухоженной и чистенькой Карины, к тому же прилежно посещавшей

репетиции народного хора в детском клубе «Медвежонок», Равиль тогда напоминал домовёнка Кузю. Он с пацанами постоянно играл в войнушку — носился по двору с игрушечной винтовкой, был грязен и лохмат. Из-за этого он Карине не очень нравился, в их дворовой компании были мальчишки и поинтересней. Да и время им ещё не пришло, странно было бы в одиннадцать лет строить серьёзные отношения. Однако же она рыдала по Равилю, когда он в игре по её милости свалился с гаража и неделю лежал болел, а она думала, что он убится.

Зато Равиль... Он влюбился в Карину сразу и бесповоротно, с первого взгляда и на всю жизнь! Она бежала по двору, её платице развевалось на ветру, а у него перед глазами вдруг что-то вспыхнуло, в голове щёлкнуло, и готово!

Тогда он не признался ей в любви. Он был неуверенным в себе подростком... то ли струсил, а скорее всего, так и было — струсил и не признался, так и остался её тайным воздыхателем. Он даже хотел подарить ей цветы... и не подарил.

А подросток уже Карине стало с ними со всеми скучно. И она, уходя из их компании, подарила Равилю на память свою клипсу, которая и по сей день висит на зеркале заднего вида в его вишнёвой «восьмёрке». А после девятого класса она поступила в колледж. Там выучилась на парикмахера и мастера маникюра, стала хорошо зарабатывать в найме и выскочила замуж. Но её избранник оказался жутким ревнивцем, и через шесть лет мучений они развелись. Детей им бог не дал, и в полностью разобранных чувствах Карина занялась обустройством своего бизнеса — маникюрной студии.

С Равилем они эти годы виделись только издали, а бизнес теперь забирал у неё всё время, лечил душу, отвлекал от тяжёлых мыслей и давал неплохой заработок.

Равиль

Кстати, я еще одну важную вещь не рассказал, забыл... Как-то у нас с Кариной зашла речь о сырниках. Она собиралась их попробовать приготовить, и я сказал ей:

— Позови меня, я обожаю сырники.

И меня позвали, и я пришел, и это были наивкуснейшие сырники, которые я когда-либо пробовал. И по сей день я прошу жену, когда приезжаю в отпуск с войны, приготовить мне её изумительные сырники. Это очень вкусное блюдо. Хотя она постоянно говорит, что в тот раз она готовила их впервые.

* * *

Когда Карина ушла из нашей компании, я посчитал это данностью и за неё не боролся. Да и не умел я тогда этого делать. Просто поплыл по течению — отучился в колледже на электромонтёра по ремонту и обслуживанию электрооборудования, забурился в гулянки, спорт... в общем, веселился как мог.

А перед тем, как уйти в армию, я познакомился с девушкой Алиной. Мы начали встречаться, поженились, и у нас родилась дочка Валечка. Ей сейчас восемь лет, она учится во втором классе, и я её очень люблю. А потом мы с Алиной разошлись! Почему? Да просто, наверное, не любили друг друга, слово за слово, и готово, она налево, я направо!

И чтобы хоть как-то отвлечься от тяжёлых мыслей, я начал по максимуму занимать себя делами. Работал, подрабатывал, «калымил», если по-простому. И так хорошо освоился в профессии, что даже набрал определенную клиентскую базу. И в один прекрасный день один мой постоянный клиент позвал меня помочь с проводкой и освещением какой-то девушке, которая затеяла открывать у нас в «Яме» свою маникюрную студию. Ну хорошо, приду помогу. Пришёл! И вдруг...

На пороге этой студии стояла и вся такая улыбалась моя любимая жена!

Карина

Они обнялись. Карина была после недавнего развода, ей было не по себе, грустно, плохо и казалось, что в жизни у неё больше ничего хорошего не случится.

Однако, перед тем как открывать студию, она, по совету мамы, предусмотрительно съездила в Мордовию, в Санаксарский мужской монастырь, где похоронен знаменитый схиигумен Иероним, «старец-любовь», как его называли при жизни. Она зашла в его келью и записала в специальной тетрадке на столе не про студию, а другое своё желание:

«Хочу встретить взаимную любовь».

И вот как так бывает? Получается, помог ей батюшка!

И понеслось...

Совместный ремонт студии, прогулки в сад Кирова с распитием шампанского из

пластиковых стаканчиков, поездки по делам и просто так, выкапывание её маленькой корейской машины из снега и много ещё чего такого, чтобы почаще быть вместе.

Но и на своих эмоциональных качелях Карина покачала Равиля зачётно! Например, могла позвонить ему среди ночи и сказать:

— Ты знаешь, Равиль, мне кажется, что я в тебя начинаю влюбляться. Но я не хочу, это так больно потом остаться одной... я знаю.

Ну и так далее. А он ничего, слушал всё это да бубнил себе под нос как мантру:

— Я тебя люблю, и я на тебе женюсь!

Когда она впервые поцеловала его в губы и сразу же заперлась в своей машине... всё, до завтра! Так он попытался залезть в машину через багажник. Не получилось. Потом позвонил и сказал, что его детская мечта сбылась.

Равиль

После этого поцелуя мы с Кариной начали немножко... ну как немножко... намного чаще видаться. Смотрели фильмы чуть ли не до утра. Она, как оказалось, вообще очень мало чего смотрела. И я ей показал всего Гарри Поттера, она его не видела, а я большой любитель.

Потом мы начали гулять вместе — я, Валечка и она. За дочку Карине отдельное спасибо, что сразу её приняла. И сама Валечка к Карине стала очень хорошо относиться.

И ещё... я попросил Карину занять мне денег на металлоискатель, очень дорогой, восемьдесят тысяч рублей. Коп — это моё хобби, и металл, и старина. Даже интереснее рыбалки. Но с точки зрения закона, это называется «кладоискательство» и по статье 243-2 УК РФ «Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания» наказывается штрафом до 5000 рублей.

Ну не дебилы это придумали? Получается, что копать можно, но на это нужно разрешение, и нельзя повреждать культурный слой в сто лет. Так вышли вы в чисто поле с металлоискателем. Ни деревень, ни сел там отродясь не было, одна пашня. И находите шестеренку от старинного трактора, возрастом сто один год. Всё, иди сюда на штраф! Поэтому ментам, коль появятся, нужно говорить, что ищите металлолом или метеориты, а сам металлоискатель не запрещен. Сами-то менты крайне туманно представляют свои обязанности и не знают толком, как формулировать этот закон. Главное, с ними не залупаться, чтобы в околоток не забрали!

А так и «сибирки» находил — сибирские монеты восемнадцатого века, которые чеканились на Сузунском монетном дворе, это в ста пятидесяти километрах от Новосибирска. Его ещё называли Колыванским из-за обозначения «КМ» — Колыванская медь. А потому что тогда даже из Екатеринбурга в Сибирь возить монету было дорого и опасно. К тому же при выплавке золота и серебра в Сузуне накопилось пятьсот тонн отличной меди. Вот и чеканили там «сибирки», пока руда не истощилась, а медь не кончилась.

Ещё пуговицы, пряжки разные старинные находил, но в основном ржавый металлолом. Он, кстати, тоже денег стоит. Ну а что, сдавал его, всё копеечка.

Карина заняла мне денег, businesswoman же, и даже стала ездить со мною на коп в Бутринку, на пляж, рядом с новым мостом. И слушала меня про все эти накладки, железнодорожные костыли — Д-65, Д-45 для узкоколейки и все остальное. Понимала, что я так отдыхаю. И это было очень приятно.

И вот дошло у нас дело до совместной поездки в Крым...

Я как раз закончил хороший денежный калым, а у Карины деньги были всегда, и мы, уже как пара, через полстраны «в два руля» поехали в Крым дикарями, вместе с моим братом и его девушкой. За четыре дня не напрягаясь махнули четыре с половиной тысячи километров до Керчи. Ночевали в кемпингах, их сейчас полно на трассе, никаких проблем с ночлегом, едой и заправкой. А были времена, отец рассказывал, по две канистры бензина с собой таскали и баул с едой.

В Крыму всё было прекрасно, восхитительно и довольно интересно. Купались, загорали, гуляли, ездили на экскурсии, по Крымскому мосту аж два раза прокатились, красота неимоверная, как будто летишь над морем!

И вдруг...

Позвонил отец и сказал, что объявили мобилизацию. И двадцать первого сентября мы посмотрели и послушали известную речь президента о частичной мобилизации:

«...призыву на военную службу будут подлежать только граждане, которые в настоящий момент состоят в запасе. И, прежде всего, те, кто проходил службу в рядах Вооруженных сил, имеет определенные военно-учетные специальности и соответствующий опыт. Призванные на военную службу перед отправкой в части в обязательном порядке будут проходить дополнительную военную подготовку, с

учетом опыта специальной военной операции».

— Ну что, значит, поеду воевать, — сказал я. — Что ещё делать остаётся? Родина сказала — надо, значит, надо!

Карина впала в истерику и плакала все последние дни, пока мы не вернулись домой. Призыв уже шёл, но ещё жиденький, по чуть-чуть каждый день народ отправляли на «Холодильник» — нашу местную новосибирскую сборку, я уже там бывал, когда уходил на срочную.

Я следил за этим конфликтом с 2014 года, понимал и принимал его причины, и никаких сомнений у меня не было, что я попаду именно на эту войну. И хоп, шестого октября мне на работу принесли повестку — явиться завтра в военкомат в девять утра.

Ну что, расписался, раздал коллегам весь свой инструмент и пошёл готовиться. На работе, кстати, до сих пор за моим столом никто не сидит, ребята меня ждут, спасибо им.

Карина

А потом Равиль уехал «за ленточку», и Карина не слышала его целый месяц. Она ждала очень сильно, но Равиль, как она себе думала, то ли не мог, то ли не хотел звонить, а то ли не помнил номер её телефона и, видимо, нигде его себе не записал... Тогда она отправила его отцу для передачи ему фото брелочка со своим записанным на нём номером, и потихоньку помолилась батюшке Иерониму, своему, теперь, как оказалось, защитнику и утешителю.

И сразу раздался звонок...

— Я сейчас буду плакать, — сказала Карина.

— Не надо, у нас мало времени...

Она держалась изо всех сил, но после разговора разрыдалась.

— Равиль звонил, у него всё хорошо, не переживайте, — сказала она друзьям, у которых тогда была, а те удивлённо на неё посмотрели, чего же тогда рыдать, если всё хорошо?

Потом Равиль как-то наладил связь и звонить стал чаще. Но иногда в их разговор вплетались звуки близких взрывов, и он не всегда успевал нажать клавишу «отбой», просто бросал телефон. И она слушала, как он отстреливался от дронов, и просто ждала, когда он снова возьмет телефон.

Как-то он ей сказал:

— Это не полгода, скорее всего, два — два с половиной.

И она ответила:

— Равиль, я буду тебя ждать... Сколько надо, столько и буду тебя ждать и в любом случае тебя дождусь. Я тебя люблю и хочу, чтобы ты вернулся. И у нас все будет хорошо.

* * *

И через какое-то время Равиль узнал, что его отправляют учиться в Молькино. Карина тут же отменила все свои сеансы маникюра и рванула туда к нему. Там в соседнем городке Горячий Ключ они и расписались.

Роспись не была торжественной, просто роспись. Работница загса их сильно уговаривала на торжественную церемонию, но они посчитали, что у них это все уже было и ещё раз это им не нужно. Им и так было хорошо, уютно и приятно.

Когда Равиля спросили, согласен ли он жениться на Карине, он ответил «да!» А когда то же самое спросили у Карины, она ответила «так точно!» И все работники загса и сослуживцы Артёма, кто был тогда с ним, хохотали как подорванные!

По такому случаю Равиля отпустили на целые сутки, первая брачная ночь дело серьёзное. И назад домой Карина вернулась уже не одна, хотя все её женские графики вероятность забеременеть в эти дни отрицали. А всего-то помолилась потихоньку, прочитала по бумажке:

«О, преподобный отче Иерониме! Ты ликом своим просиял по нашей России гаром любви по сердечным молитвам своей паствы. Защити нас от зол, как деток зачать и возрастить их, научи. И не остави нас без помощи и утешения. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

* * *

Первый раз Равиль увидел Матвейку, когда тому было уже три месяца, но потом отпуска наладили, и сейчас, когда он приезжает раз в три месяца, то видит этапы взросления сына.

Шустрый дятлито у них получился, в полтора года уже считает до десяти. Папку ждёт и любит до невозможности, не отлипает от него. А уж папка его...

А между ними Карина, и все они вместе — обычная счастливая семья — сила России и сибирский оплот главковерха.